

Трансформация института банкротства в России.

Сокращение корпоративных процедур и экспансия банкротства граждан

Современное состояние института несостоятельности в Российской Федерации демонстрирует устойчивый структурный сдвиг. Если в предыдущие периоды банкротство рассматривалось преимущественно как механизм завершения предпринимательской деятельности, то в последние годы наблюдается дифференциация функций банкротства в зависимости от статуса должника.

По данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве (ЕФРСБ), количество дел о банкротстве юридических лиц в 2025 году снизилось примерно на 25–30 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Это снижение в целом связывают с рядом факторов, таких как изменения в законодательстве – повышавшие пороги для возбуждения корпоративного банкротства, государственные меры поддержки бизнеса, стабилизация некоторых секторов экономики после периода санкций. Одновременно доля удовлетворённых требований кредиторов растёт: например, показатель удовлетворения требований в корпоративных банкротствах несколько увеличился по годам.

С одной стороны, фиксируется снижение количества дел о банкротстве юридических лиц, с другой — стабильный и количественно значимый рост процедур банкротства физических лиц, приобретающий признаки массового правового явления. Данный тренд не является статистической аномалией и отражает совокупность экономических, нормативных и правоприменительных факторов. Снижение числа корпоративных банкротств в последние годы обусловлено, прежде всего, изменением функционального восприятия процедуры со стороны бизнеса, кредиторов и судов. Во-первых, корпоративное банкротство утратило статус «универсального инструмента взыскания». Арбитражные суды всё чаще отказывают в удовлетворении заявлений, поданных исключительно в целях давления на должника, при отсутствии признаков объективной неплатёжеспособности. Во-вторых, значительную роль сыграло ужесточение стандартов доказывания. Формальное наличие задолженности более не является достаточным основанием для введения процедур банкротства без анализа финансового состояния, перспектив восстановления платёжеспособности и поведения сторон. Во-третьих, бизнес в значительной степени переориентировался на внесудебные и квазисудебные механизмы урегулирования задолженности: реструктуризацию, корпоративные соглашения, пролонгацию обязательств, уступку прав требования. Банкротство всё чаще рассматривается как крайняя мера, а не как первый шаг кредитора. В совокупности это привело к количественному сокращению дел, но при одновременном качественном усложнении оставшихся процедур, что усиливает нагрузку на всех участников процесса.

Противоположная динамика наблюдается в сегменте банкротства граждан. Рост числа процедур обусловлен не только ухудшением макроэкономических показателей, но и изменением социальной и правовой функции банкротства. В целом с 2015 года, когда была введена процедура банкротства граждан, более миллиона россиян получили статус банкрота через суд. Основные причины этого роста это широкая доступность процедуры и признание её эффективным инструментом списания долгов по кредитам, ипотеке, потребительским займам, рост долговой нагрузки населения (падение реальных доходов, повышение ставок по кредитам), внедрение внесудебных процедур, упрощающих доступ граждан к банкротству. Фактически банкротство физического лица стало: инструментом социальной разгрузки, легальным механизмом списания безнадёжной задолженности и альтернативой пожизненному

долговому бремени. При этом правоприменительная практика демонстрирует, что подавляющее большинство заявлений подаются самими должниками, что указывает на добровольный и осознанный характер обращения к процедуре.

Отдельного внимания заслуживает то обстоятельство, что институт банкротства граждан всё чаще используется не как исключительная мера, а как системное решение проблемы хронической неплатёжеспособности населения. Это трансформирует саму философию процедуры, смещая её от взыскательной к реабилитационной модели. Уязвимым элементом сложившейся модели оказывается фигура арбитражного управляющего. В условиях сокращения корпоративных банкротств и резкого роста «малобюджетных» дел о банкротстве граждан, управляющий сталкивается с дисбалансом между объёмом обязанностей и экономическим результатом деятельности. В соответствии со ст. 20.6 Федерального закона № 127-ФЗ, финансовый управляющий в деле о банкротстве гражданина получает фиксированное вознаграждение в размере 25 000 рублей за процедуру, а также процентное вознаграждение при наличии конкурсной массы. Однако правоприменительная практика показывает, что в большинстве дел конкурсная масса отсутствует, процентное вознаграждение носит скорее декларативный характер а фактическая нагрузка управляющего не коррелирует с размером вознаграждения. Таким образом, деятельность финансового управляющего всё чаще приобретает квази-публичный характер, не будучи при этом обеспеченной публичным финансированием. Помимо этого, суды последовательно проводят линию на оценку реального вклада управляющего в достижение целей процедуры. В Определении Верховного Суда РФ от 25.12.2019 подчёркнуто, что право на вознаграждение не является безусловным и подлежит соразмерной оценке с точки зрения эффективности действий управляющего. Данная позиция получила развитие в практике арбитражных судов округов, где нередко снижается процентное вознаграждение, отказывается во взыскании дополнительного вознаграждения и указывается на формальный характер деятельности управляющего. Фактически формируется судебный стандарт: вознаграждение — не за сам факт участия, а за результат, притом результат не только финансовый, но и процессуально-правовой, оцениваемый с точки зрения эффективности и добросовестности действий управляющего по мнению кредитора.

Рост жалоб на действия (бездействие) арбитражных управляющих является индикатором системной перегрузки. Это явление нельзя объяснить исключительно снижением качества работы.

Причины носят системный характер: высокая процессуальная нагрузка, массовость дел о банкротстве граждан, конфликт интересов между кредиторами и должниками, отсутствие экономических стимулов к глубокой проработке каждого дела. Не случайно рынок демонстрирует тенденцию к сокращению активных управляющих и повышению селективности при принятии дел.

Современное банкротство в России демонстрирует асимметричное развитие. Корпоративные процедуры становятся реже, но сложнее, банкротство граждан приобретает массовый характер арбитражный управляющий оказывается в зоне системного давления. Дальнейшая эволюция института банкротства неизбежно потребует пересмотра роли и экономического положения арбитражного управляющего, иначе правоприменительная модель рискует утратить устойчивость.

Банкротство перестает быть исключительно частноправовым механизмом и всё больше приобретает социально-правовую функцию, что требует соответствующей корректировки законодательства и судебных подходов.

Генеральный директор
А.Г. Ганчук

